

Иван Панаев

Барышня

Иван Панаев

Барышня

«Public Domain»

1844

Панаев И. И.

Барышня / И. И. Панаев — «Public Domain», 1844

«Моя барышня – настоящая барышня. От нее без ума маменька и папенька... Но прежде надо сказать, что такое маменька. Маменька – простая, добрая и толстая русская барыня. От нее в свое время были также без ума папенька и маменька, – папенька – богатый помещик, известный во всей губернии суровостью и крутостью нрава, знаменитый псовый охотник...»

Содержание

Глава I. Вступление	5
Глава II. Рождение барышни и ее детство	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Иван Иванович Панаев

Барышня

...Давно ль

Я, кажется, тебя крестила?

– А я так на руки брала?

– А я так за уши драла?

– А я так пряником кормила?

(«Евгений Онегин»)

Глава I. Вступление

Моя барышня – настоящая барышня. От нее без ума маменька и папенька... Но прежде надо сказать, что такое маменька. Маменька – простая, добрая и толстая русская барыня. От нее в свое время были также без ума папенька и маменька, – папенька – богатый помещик, известный во всей губернии суровостью и крутостью нрава, знаменитый псовый охотник. Маменька – добрая и слабая женщина, которая не имела никакой власти в доме и дрожала от страха при виде своего супруга с вечно нахмуренными бровями и вечно вооруженного арапником. (Впрочем, она никогда не жаловалась на свою участь – и в самые горькие минуты своей жизни рассуждала так: «На то он мне муж, чтоб с меня взыскивать... И закон мне велит ему повиноваться».) Бывало, глядя на свою Лизу с невыразимою нежностью и глядя ее по курчавой головке, она говорила: «Не хочешь ли покушать чего-нибудь, ненаглядное мое сокровище?..» И потом с беспокойством прибавляла: «Похудела ты что-то у меня, душенька... Мало ты совсем кушаешь... Вот тебе пирожок, я испекла его своими руками...» И в дрожащих звуках ее голоса сколько было чувства и любви!

Чем более такого рода матери любят детей своих, тем более они их кормят. Бывали примеры на Руси, что матери из любви закармливали детей своих до болезни или до смерти. Странное выражение любви!..

Бабушка моей барышни не хлопотала о воспитании своей дочки. «Что мучить ребенка по-пустому! – говорила она, – добро бы еще мальчик, – ну, мальчику еще куда ни шло, а девочке вовсе не след пичкать голову разными вздорами; только чтоб у нее чувство было – это главное, да чтоб была доброй женой и хорошей хозяйкой, а на остальное на все наплевать. Я век свой прожила без ученья, благодаря бога...»

Дедушка еще менее хлопотал о ее воспитании. Дедушка любил свою дочку, потому что она иногда служила для него развлечением в свободное от охоты время. Он тешился ею, как тешился своими лягавыми и гончими.

Однажды, навеселе, окруженный ватагою полупьяных приятелей, он неожиданно с охоты нагрянул домой... Дома продолжалась попойка. Шум, крик, гам. Весь дом ходил ходенем. Уже шут Васька, давно мертвецки пьяный, в каком-то фантастическом костюме и с шлемом на голове, валялся на полу; уже два гостя еле держались на стульях и готовы были последовать примеру Васьки. Вдруг дедушка, в шестой раз наполнив позолоченный старинный кубок, закричал зычным голосом:

– Малый!.. – И все малые вздрогнули при этом голосе. – Позвать сюда барыню и сказать ей, чтоб, мол, она привела с собою барышню, что будут, дескать, пить за их здоровье. Слышишь?

Пять седых исполинов в одно мгновение бросились из комнаты исполнять приказание барина. Барыня явилась.

– А где же Лиза? – вскрикнул барин, косо взглянул на жену...

– Лиза, Иван Васильич, почивает, – отвечала жена, – уже более двух часов, как няня уложила ее в постельку... У нее, у бедняжки, целый день болела головка...

– Вздор! принести ее сюда!

Она вышла из залы и через несколько минут снова явилась, неся на руках четырехлетнюю девочку, которая хныкала и терла ручонками заспанные глаза. На глазах матери дрожали слезы...

– Ну, давай ее сюда ко мне на руки!..

Мать хотела что-то возразить, но слова замерли на языке ее, и она безмолвно повиновалась.

Иван Васильич, охватив дочь левою рукою, в правую руку взял бокал, поднял его и, обведя взором собрание, произнес:

– А теперь мы выпьем за здоровье моей наследницы, да чур выпивать до дна.

– Лизавете Ивановне многая лета! – Он сам выпил кубок и опрокинул его, как будто для доказательства, что в нем не осталось ни капли.

– Многая лета, многая лета! – хором затагнули гости, осушая свои бокалы.

Девочка со сна, испуганная этими криками и видя вокруг себя все незнакомые лица, начала вырываться из рук отца и плакать...

– Тсс! У меня на руках не сметь реветь... Ну, кланяйся и благодари гостей.

Иван Васильич поставил Лизу на стол, загроможденный стаканами и бутылками, и наклонил ее голову сначала направо, потом налево.

– Слышишь, Лизавета, – продолжал Иван Васильич, – у меня смотри... у меня ни – ни!.. Ну, хочешь подброшу?

Он ущипнул дочь за щеку и в самом деле схватил ее на руки, чтоб подбросить...

– О, бога ради! – простонала несчастная мать, бросаясь к Ивану Васильичу, чтоб выхватить ребенка из рук его. – В своем ли ты уме? Ты навек ее можешь сделать уродом...

– Прочь, баба! – загремел Иван Васильич, с сердцем оттолкнул жену и высоко, как мячик, подбросил Лизу почти к самому потолку, при общем и единодушном хохоте.

Мать вскрикнула и закрыла глаза руками.

Но Лиза уже была в объятиях отца...

– Ну, чего испугалась? – сказал Иван Васильич, обратясь к жене, – чего глаза – то закрыла? Не понимаешь что ли, что я играю с ребенком? Ох вы мне, неженки!.. Ну возьми ее, да отправляйтесь на свою половину, а нас оставьте погулять...

Мать с быстротою молнии схватила Лизу, крепко прижала к груди своей и выбежала из комнаты.

Такого рода сцены повторялись не раз. Лиза благодаря богу не сделалась уродом. Лиза, оставленная на произвол природы, росла и наливалась, как здоровый плод, не по летам, а по часам... В шестнадцать лет она была завидная невеста – настоящая русская красавица: и кругла, и бела, и румяна. Стан ее, может статься, был немножко толстоват, но это потому, что она никогда не нашивала корсета. Образование ее было окончено. Она в арифметике дошла до деления и умела по – русски читать и писать. Первые три правила арифметики ейгодились в жизни за вистом и за преферансом; умение читать не послужило ни к чему, потому что, кроме «Новейшей и полнейшей стряпухи», она не имела ни случая, ни потребности читать книжки... Зато она помогала матери варить варенье, делать желе и пастилу. Она вообще обнаруживала хозяйственные таланты, и по особенному способу приготавливаемая ею яблочная пастила скоро прославила ее в целой губернии.

Отец, глядя на нее, с самодовольством обыкновенно говаривал:

– Эка пышка!

И потом, обращаясь к своему гостю и указывая на дочь, прибавлял:

– Что, дружище, кажется, не ударил себя лицом в грязь? а? Девочка-то я тебе скажу! Оно все бы, конечно, сынишка лучше, да впрочем... С мальчишками возни много. Куда с ними денешься? Что такое нынешнее воспитание? Куда оно годится?... Девчонку, по крайней мере, сбыл с рук, да и концы в воду. Выйдет замуж, так и отрезанный ломоть. Это что? (он снова указывал на дочь), это ведь такой товар, что дома не залежится...

Иван Васильич был прав. В двадцать три года Лиза вышла замуж за отставного майора, Евграфа Матвеича Ветлина, человека отлично добронравного, с брюшком и страстного охотника до всего съестного вообще и до яблочной пастилы в особенности. Лиза переехала в губернский город. Лиза из уездной барышни сделалась губернской барыней и завелась своим хозяйством. Иван Васильич вскоре после ее брака скончался от удара, покушав за ужином не в меру и тотчас же после ужина рассердясь за что-то не в меру на своего буфетчика. А жена его через год последовала за ним; тоска по мужу свела ее в могилу. «И побранить-то меня теперь некому», – часто говорила она, заливаясь слезами. Мысль о будущих внучках поддерживала еще немного ее существование; но неисповедимым судьбам угодно было, чтоб Лизавета Ивановна забеременела не ранее как через год после ее смерти. Старушка умирала спокойно, тихо, в полном сознании, что она, по мере сил своих, исполняла на земле долг христианки, то есть была всегда послушною и верною лесною и доброю матерью... Она приобщи-лась за час до своей смерти... это было в теплый и тихий майский вечер... Окна ее спальни, выходявшие в сад, были открыты... Весенний воздух, растворенный запахом черемухи, освежал лицо умиравшей, потухавшая заря освещала комнату своим ярким румянцем... Лизавета Ивановна сидела на стуле, дрожа всем телом и прислонясь лицом к подоконнику. Супруг стоял близ нее, заложив пальцы за обшлага своего сюртука, и беспрестанно говорил супруге: «полноте-с, полноте-с», – а слезы так и катились по его доброму и взрытому рябинами лицу. Старушка подозвала их к себе, поцеловала и благословила; Евграф Матвеич произнес всхлипывая: «Маменька, будьте покойны касательно Лизаветы Ивановны, я все употреблю, поверьте, чтоб сделать их счастливыми...» (Евграф Матвеич, несмотря на то, что был женат два года, никак не мог говорить жене «ты».) И он, произнеся этот обет, не удержался и зарыдал. Старушка сказала слабым голосом: «Не плачьте, мои голубчики, я иду к моему Ивану Васильичу...» Последнее слово старушки было имя ее мужа.

После смерти ее супруги погрузили, поплакали и, пораздумав немножко, занялись устройством своих дел. Покойный Иван Васильич был разорен псами, на имении было пропасть долгу. Супруги, посоветовавшись, продали большую половину имения, уплатили долг и оставили только в своем владении одно село Ивановское, Брысскую Топь тож.

– Распоряжайтесь всем по своей воле, – говорила Лизавета Ивановна мужу, – но уж это село оставьте неприкосновенным. В нем родилась я, в нем и умереть хочу. Тут лежит прах моих родителей. Так, если б мы его продали, нас бы громом убило, да и люди в глаза бы нам наплевали.

Умилительно было видеть картину домашней жизни Лизаветы Ивановны в первые года замужества. Супруги, казалось, созданы были друг для друга.

Они ни в чем не противоречили друг другу, так сходны были их понятия и образ мысли... Только однажды и то нечаянно супруг огорчил супругу. Лизавета Ивановна вязала чулок, Евграф Матвеич раскладывал гран-пасьянс. Он первый прервал молчание.

– А знаете, голубчик, ведь то, о чем я загадал, вышло... Он всегда звал супругу голубчиком, а она звала его голубушкой или дружочком.

– А о чем вы загадали, дружочек?

– Будто уж вы не догадываетесь?

Евграф Матвеич пришел в замешательство и покраснел.

– Нет, не догадываюсь.

– Насчет того, понимаете?

– Насчет чего?

Евграф Матвеич наклонился к уху Лизаветы Ивановны и сказал шепотом:

– Насчет того, голубчик, чем нас бог обрадует – сыном или дочкой.

Лизавета Ивановна в свою очередь пришла в замешательство и покраснела.

– Что же вышло? – робко прошептала она, – сынок или дочка?

– Сынок.

– Неужто сынок?.. Так, стало быть, вам бы хотелось сынка?

– Признаюсь откровенно.

– Отчего же сынка? Ну, а если будет дочка, так, стало быть, вы ее и любить не станете?

– Как же это можно? За какое вы чудовище меня принимаете! Чтоб я не любил свое дитя!.. А, видите ли, сынка я натурально больше потому желаю, что это по моей части... Я бы его сам обучал... всему, чему следует... и определил бы его в тот полк, в котором сам начал службу...

Воображение Евграфа Матвеича разыгралось... маленькие, сонные глазки его одушевились... Он продолжал:

– И вышел бы он в офицеры... этот клоп-то, которого вы на руках носили... Представьте себе: офицер, со шпагой и с эполетами и в шарфе!.. ну, словом, офицер в полной форме, как следует!.. Этаким молодец рослый, плечистый!..

– Чтоб я отдала его в военную службу! – вскрикнула Лизавета Ивановна. – Сохрани господи!.. Чтоб он в поход пошел да чтоб его на сражении убили!..

Евграф Матвеич посмотрел на супругу с упреком.

– Так чем же ему быть, с позволения сказать, приказной строкой, что ли, чтобы у него руки были в чернилах измараны?.. Как же это можно!

– И по штатской службе можно до больших чинов дослужиться, – возразила Лизавета Ивановна.

– Каких чинов ни дослуживайся, а все штатский... – заметил Евграф Матвеич.

– Нет, лучше вы мне и не говорите! – возразила Лизавета Ивановна, – уж как вы хотите, а сын наш пойдет по штатской части.

Глава II. Рождение барышни и ее детство

Через месяц после этого разговора Лизавета Ивановна разрешилась от бремени дочкою.
– Ну, что, Пелагея Ильинишна, что бог дал? – в один голос закричали дворовые девки, бросаясь навстречу старухе-няне.

– Нишните, голубушки, нишните... Ох, все косточки разломило... устала... дайте отдохнуть.

Няня села на стул.

– Помучилась, моя сердечная, да и нас-то помучила. Ну, да теперь слава богу.

– Да скажите, Пелагея Ильинишна, что же бог дал? Девки с любопытством обступили няню и смотрели на нее вытараща глаза. Няня перевела дух и произнесла:

– Барышню.

– А что, Пелагея Ильинишна, – заметила Матреша, которая была побойчее, покрасивее и почище других, – а вы нам все говорили, что по всем вашим приметам будет барчонок... Вот вам и барчонок!..

– Уж ты мне, быстроглазая!.. Пелагея Ильинишна! Пелагея Ильинишна! Язык-то без костей, так все пустяки мелет... Барчонок!.. – И потом няня продолжала, как будто про себя. – Слава богу, маменьку вынянчила, так вот теперь дочку привелось нянчить.

В этот же вечер, с радости, старуха порядочно выпила, так что уже не могла показаться в комнаты; она дремала в людской у стола, несколько покачиваясь и беспрестанно облизывая губы... Девки, стоя вокруг стола, поддразнивали ее, подсмеивались над нею и потом пересмеялись между собою. А она беспрестанно повторяла сквозь зубы и как будто сквозь сон:

– Зубоскалки вы проклятые... чего это обрадовались?.. зубоскалки...

– Что? не угодила я вам, голубушка? – шептала Лизавета Ивановна своему супругу слабым голосом, – ведь вам хотелось сынка?

– А бог с ним, с сыном! – отвечал супруг, с лицом, сиявшим радостью. – Я и дочку буду любить, голубчик, так же, как любил бы сына... Еще за сына, может быть, мы бы ссорились (Евграф Матвеич, произнося это дурное слово, старался как можно приятнее улыбнуться), а об дочке у нас споров не будет... Дочка по вашей части...

Крестины праздновались с шумом... Восприемник новорожденной был губернатор: восприемницею – вице-губернаторша... Новорожденную нарекли Катериной, в честь отцовой тетки. Гости за обедом были необыкновенно любезны. Они беспрестанно повторяли:

– Красавица у вас будет дочка, Лизавета Ивановна! Бесприданница... И здоровенькая такая, бог с нею!

Вице-губернаторша была любезнее всех гостей... Она, по крайней мере, раз пятнадцать повторила:

– У вас, милая Лизавета Ивановна, дочка, а у меня сынок... Вот вам и жених с невестой.

Обед был на славу и продолжался часов пять сряду. Евграф Матвеич и Лизавета Ивановна, как истинно русские люди, отличались хлебосольством и гостеприимством. Евграф Матвеич сам не сидел за столом, а все ходил около стола и угощал гостей, приговаривая: «сделайте одолжение, еще кусочек...», – и кланялся. Лизавета Ивановна повторяла дамам то же.

К концу обеда несколько пробок с шумом полетели в потолок...

– Вот и артиллерийское учение начинается, – остроумно заметил, крутя висок, один из гостей, отставной поручик.

Другой гость, балагур (из семинаристов), заменявший старинных шутов с шлемами и бубенчиками, встал и, обратясь к Евграфу Матвеичу и Лизавете Ивановне, с поднятым бокалом произнес:

День восторга, восхищенья – Вашей дщери днесь крещенье! Все несут к вам поздравленья. На Парнасе девять муз Превозносят ваш союз... Родилась десята муза От прекрасного союза. Веселитесь и ликуйте, День сей дивный торжествуйте! Веселися дом Евграфу. Веселися, но не в мале! Стихотворение было длинное. В нем заключалась тонкая и лестная похвала родителям, в особенности же восприемникам, которых семинарист между прочим величал «знаменитыми сановниками и представителями христианского человечества». Оно оканчивалось следующим (четверостишием):

Хоть ода несколько, быть может, и слаба, Без риторических прикрас, без ухищрения, Но да не взыщется с низжайшего раба За искреннее чувств живейших выраженье. Когда семинарист кончил и выпил бокал, обведя взором собрание... страшный шум рукоплесканий, хохот и одобрительные крики потрясли столовую... А семинарист, положив руку на сердце, кланялся низко на все стороны и повторял с самодовольною улыбкою:

– Не достоин, не достоин!..

После обеда, когда все гости вышли из столовой и разбрелись по другим комнатам, в то время как лакеи собирали со стола, доедая и долизывая барские остатки, няня, как старшая в доме, под предлогом надзора за людьми, все прохаживалась кругом стола и допивала оставленное в стаканах и рюмках вино... Вечером же, в людской, при собрании всей дворни, подплясывая и прищелкивая руками, напевала:

Ай люли, ай люли, Ай вы люшеньки мои! И вся дворня каталась со смеха, приговаривая:

– Ай-да Ильинишна! ну-ка еще... Вот так... порастряси-ка старые кости!..

Но обратимся к барышне.

Вот она – моя барышня, румяное и полное дитя, ей полтора года, но ее еще не отняли от груди; вот она – на руках у заплывшей жиром кормилицы, которую раз десять в день поят чаем и беспрестанно кормят селедками. Кормилица обыкновенно по будням носит толстую рубашку, ситцевый сарафан и ситцевую шапочку на голове, а по воскресеньям и по праздникам – непременно камлотовый сарафан, обшитый галуном, кисейную рубашку и бархатный кокошник... Барышня только что перестала плакать, еще у нее не обсохли слезы на глазах... Кормилица вытирает ей глазки и носик и приговаривает:

– Бесстыдница этакая... ну, что разревелась-то? а вон уже трубочист придет и съест тебя.

Дитя подымает визг от страха и жмется к кормилице... Кормилица страшит его розгами, – дитя еще пуще плачет. На его визг и плач прибегают маменька, папенька и няня.

Маменька кричит:

– Ну, так и есть, опять раздражила ребенка! Не умеешь ты, мужичка этакая, обращаться с барским дитятей. Не плачь, ангельчик мой, не плачь... А посмотри, вот бобо, душенька.

Папенька кричит:

– Ох вы мне! изуродуете вы ее... Каточек, Каточек, посмотри на меня... Где папа? А-а!.. вот папа...

Няня кричит жалобным голосом:

– Что это с тобой, лапочка ты моя, что с тобой приключилось... Уж не зубки ли?..

Покажи-ка.

Няня всовывает палец в ротик дитяти и потом обращается к барыне:

– Вот, посмотрите, матушка, у нее тут, у моей голубушки, зубок прорезывается.

Вслед за няней маменька и папенька всовывают свои пальцы в ротик дитяти, чтоб ощупать зубок.

– Вестимо к зубкам плачет, – замечает кормилица, – отчего ж ей больше плакать?

Около ребенка шум и крик; ребенка затормошили, и рев его раздается по всему дому...

– Да где же эти все девчонки? – вскрикивает маменька, – пошлите их... Палашка! Дашка!

Машка!..

Девчонки прибегают.

– Вот я вас! Где вы там бегаете! постойте...

– Дитя плачет, вам и горя мало, – перебивает папенька.

– Вы забыли свою должность... забыли, что надо утешать ребенка, – продолжает папенька.

Испуганные девчонки становятся в ряд и начинают прыгать и кувыркаться перед барышней.

Барышню отняли наконец от груди... Кормилицу удалили, чтоб барышня отвыкла от нее и перестала тосковать; но кормилица, приученная к барскому столу и к различным удобствам в барском доме, в надежде, что авось ее снова призовут к барышне, если барышня будет больно скучать по ней, старается нарочно показываться ей на глаза. Когда няня несет ее на руках по двору, кормилица становится на дороге, пригорюнься и качая печально головой, приговаривает так, чтоб дитя слышало ее голос:

– Отняли от меня мое красное солнышко... Похудела ты без меня, моя касаточка; уморят они тебя, мою ласточку...

Дитя, увидев кормилицу, рвется к ней. Начинается ссора между кормилицей и няней. Няня жалуется на кормилицу барыне. Барыня наконец, под опасением строжайшего наказания, запрещает приближаться кормилице к барскому двору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.